

ному до абсурда эгалитаризму придет неоконсервативная модель, в основе которой лежат принципы протестантской этики.

В экстремальном варианте этот процесс может завершиться ограничением демократии. Впрочем, более вероятно, что неоконсервативный подъем или даже неоконсервативная революция в Европе произойдет в мягкой форме при сохранении демократических институтов. Но для этого необходимо преодолеть свойственное нынешней элите Запада *томление духа* — паралич политической воли и инерцию мышления, осознать необходимость системных перемен и восстановить представление об исторической миссии Европы и Запада в целом. Однако уверенности в том, что это произойдет, сегодня нет.

Во внешней политике паралич воли проявляется двояко. В силу нарастающих социально-экономических трудностей правящие элиты Запада отвлечены от международных проблем. Самое плохое здесь то, что стратегическая линия западных стран на мировой арене все в большей мере ориентируется не на решение возникающих проблем, а на то, чтобы избежать осложнений, сэкономить ресурсы и не допустить непопулярных действий.

Такой стиль свойственен чиновникам, которые, в отличие от подлинных политических лидеров, стремятся действовать в рамках установившихся правил и процедур даже тогда, когда последние перестают соответствовать складывающейся реальности. Это положение усугубляется идеологическими шорами. Поведенческие парадигмы, основанные на терпимости, солидарности, уважении прав человека, склонности к решению конфликтов путем компромиссов, политической корректности и тому подобное, хорошо работающие в рамках постмодернистского общества, оказываются неприменимыми в отношениях с государствами и группами традиционного толка.

Впрочем, во всем этом нет ничего нового. Мудрецы древности понимали: «Человек не знает своего времени. Как рыбы попадают в пагубную сеть... так сыны человеческие уловляются в бедственное время, когда оно неожиданно находит на них»⁹. Бедственные времена и вправду наступают, но оказываются неожиданными.

Юрий Федоров

ГЛАЗАМИ КОНСЕРВАТОРА: ИЛЛЮЗИЯ ПОЛИТИКИ *AD HOC*

Старательные разъяснения представителей мировой финансовой общественности, что финансового кризиса не будет, окончательно убедили всех, что он не просто будет, а он уже начался. И то верно: если фактический дефолт двух стран ЕС и преддефолтное состояние еще четырех — это не кризис, то что тогда следует считать кризисом? А *раскулачивание* на Кипре — это уже просто довесок к общей массе проблем.

ВМЕСТО ВВЕДЕНИЯ: ВСЕ-ТАКИ БЫТИЕ ОПРЕДЕЛЯЕТ СОЗНАНИЕ

Однако же *прогрессивное человечество*, за исключением противников однополых браков во Франции, в целом ведет себя довольно спокойно. И это так контрастирует с тем, что творилось еще полтора года назад в Греции во вполне схожей и, кстати, существенно менее острой по своим долгосрочным последствиям ситуации. На первый взгляд этот странный феномен непонятен, но если проанализировать более широкий контекст, становится понятной его причина: европейцев (в существенно меньшей степени американцев) поразил старый советский синдром — *лишь бы не было войны*.

Внешнеполитический постмодерн — мозаичная внешняя политика, внешняя политика без твердых принципов и устремлений, — который навязывался мировому сообществу едва ли не с середины 1990-х гг., представлялся весьма комфортным явлением. Предполагалось, что у западного обывателя голова от внешней политики и проблем безопасности болеть не будет. Однако тот внешний мир, который за последний год, особенно полгода, раскрыл свои объятия перед европейцами, выглядит уже таким пугающим, что дополнять его еще и картиной финансового коллапса очень и очень не хочется. Так что же может так пугать европейца?

Ответ прост: в Европе нарастает ощущение уязвимости, причем не только и не столько экономической, сколько военно-политической. Этот процесс идет с середины нулевых, во всяком случае именно тогда замеры общественного мнения впервые зафиксировали странные флуктуации настроений европейцев, посчитавших, что США несут для ЕС большую угрозу, нежели Россия и КНДР, вопреки всему, в чем их убеждали местные СМИ.

Теперь, когда *полыхать* начало уже рядом с границами европейских туристических зон, ощущение нарастания чисто военной опасности становится для европейцев вполне ощутимым и уже не может быть сведено только к *фантомным болям*, оставшимся после последнего по времени посещения Европы российской армией. И эти неприятные ощущения за последние два года существенно усилились. Конечно, сказывается и присутствие в европейских городах специфических социальных и национальных общин, тем более что эти общины периодически напоминают о своей роли в развитии западной цивилизации, как это сделал Майкл Адеболаджо просто так зарезавший средь бела дня в британском (британском ли?) городе Вулидж солдата армии Соединенного Королевства.

Именно военная угроза для наших европейских друзей теперь является реальностью, данной им в ощущениях. Можно злорадствовать и говорить, что салафизм, для развития которого Европа, и в первую очередь Британия, сделали так много, добрался и до них. Но можно посмотреть чуть глубже, и тогда становится понятно, что в данном случае мы имеем дело как с внутренней, так и с внешней угрозой, которая проявилась в специфической форме.

Важно отметить и другое обстоятельство: прошедшие шесть месяцев, думается, завершили оформление на *Западе* (он включает в себя и Японию с Австралией) ситуации диспропорциональности силовых угроз безопасности. Одни государства Западу ощущают силовые угрозы в большей степени (Франция, Великобритания, Италия, безусловно, Япония), а другие либо вообще их не ощущают (Голландия, Канада и Германия и некоторые другие), либо воспринимают не как угрозу, но как некое *бремя лидерства* (США).

Отмеченный процесс был усугублен общим кризисом институциональности в современной мировой политике. Это на практике делает откровенно сомнительным продолжение существования такого понятия, как *единое пространство безопасности Запада*. А ведь именно осознание общности и примерной симметричности угроз являлось основой политики развитых стран в сфере безопасности, и блок НАТО был всего лишь институтом, отражающим это понимание. Кстати, вы заметили, как притихли — особенно в Европе — голоса сторонников безусловной *атлантической солидарности*. Неспроста.

Иными словами, система внешнеполитического постмодерна в последние полгода оказалась окончательно оформленной. И выяснилось, что это система, в которой голова о проблемах безопасности все же болит у всех, но у всех она болит по-разному. И у тех, у кого она болит меньше или не болит вовсе, естественным образом появляются сомнения в том, чтобы *спонсировать* лечение тяжелобольных.

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЙ ВЫЗОВ ГЛОБАЛЬНОЙ СТАБИЛЬНОСТИ

Нам это может нравиться или не нравиться, но мировая политика и глобальная стабильность как производная от определенного состояния мировой политики есть явления прежде всего институциональные. В институтах формируется международный консенсус по ключевым вопросам, институты являются основой международного права, институты же обеспечивают его воплощение в жизнь. Однако именно в последние 3–4 месяца мы сталкиваемся с ярко выраженным институциональным кризисом мировой политики. Уже приходилось писать по этому поводу, но складывающаяся ситуация не просто симптоматична — она опасна:

- ❑ ООН так и не может выйти из кризиса идентичности своего генерального секретаря, в который тот впал с началом российской операции в Грузии в августе 2008 г. Недееспособность и ангажированность данной структуры уже стала легендарной, а последние антисирийские резолюции этой организации, после которых ООН и ее структуры выглядят откровенно глуповато, в действительности ничего нового к малосимпатичному образу не добавили. Чем занимается ООН, непонятно уже много лет, и, кажется, это никого не интересует.
- ❑ Совет безопасности ООН не просто расколот (хотя такие органы как раз и существуют для выявления и преодоления разногласий), в последнее время он стал объектом манипуляций со стороны стран Запада, которые очень сильно расстраиваются, когда кто-то указывает им на их неправоту. И дело тут даже не в Сирии, хотя и в ней тоже, а в общем настрое: Совбез стал местом, где можно и даже принято говорить неправду.
- ❑ *Большая восьмерка* будет предметом отдельного разговора, однако здесь налицо признаки увядания и утраты полноценной стратегической повестки дня.
- ❑ Европейский Союз превратился в подобие кассы взаимопомощи и, говоря словами Остапа Бендера, *Лигу сексуальных реформ*. Не вполне понятно, чем, кроме попыток спасти евро и провести гей-парад в Москве, ЕС в принципе занимается. Последние заявления Ж.-М. Баррозу о процедуре принятия бюджета вообще свидетельствуют, что и бюджетный процесс уже идет мимо Еврокомиссии, которая выполняет технические функции и демонстрирует обиженность своим статусом. Председатель Европейского совета вообще производит все более странное впечатление.
- ❑ Признаки жизни подает МАГАТЭ, но вот вопрос: что бы делали многочисленные чиновники этой организации, если бы не было глубоко конфликтной и неоднозначной ситуации вокруг иранской ядерной программы? Про ядерную программу КНДР я даже не говорю — там МАГАТЭ изначально играла *вторым номером*, хотя ее роль и стоит признать стабилизирующей.
- ❑ Относительно ВТО вообще не вполне ясно, жива эта организация или *не очень*, причем даже по формальным признакам.

Кризис глобальных институтов (к которым логично отнести и ЕС) был вполне предсказуем как результат той волны перемен, которая началась четыре года назад. Но ситуация усугубляется тем, что аналогичные процессы мы наблюдаем и среди региональных структур:

- ❑ Таможенный союз и ЕврАзЭС всеми силами пытаются втянуть в свой состав Украину, без которой они сами себя и не мыслят. Причины этого не ясны, если только Россия и Казахстан не рассматривают себя в качестве геополитически несостоятельных субъектов, которые нежизнеспособны без украинской *твердыни*. Но на фоне кладбищенской тишины в СНГ эти метания выглядят бурной деятельностью, хотя и никак не влияют на глобальные процессы.

- Сильно затих БРИКС, который хотя и не дорос до статуса полноценного института, несмотря на все попытки, но определенное институциональное пространство все же занимал. И надо сказать, Россия много сделала для того, чтобы этот институт не случился. Но в принципе БРИКС был крайне интересным феноменом потенциально глобального качества.
- В АСЕАН в действительности теплится жизнь, и похоже там уже очень скоро поймут, что от разговоров о *свободной торговле и экономическом взаимодействии* пора переходить к обсуждению вопросов коллективной безопасности. И, кстати, России следует более активно действовать в рамках данной структуры, которая куда как привлекательнее, нежели АТЭС, который в России запомнился только уголовными делами по итогам *саммита* во Владивостоке и разрушающимися в *нашенском городе* артефактами.
- Лига арабских государств, *приватизированная* Саудовской Аравией и Катаром, также явно не оправдывает сделанных инвестиций. Во всяком случае, глядя в телевизор на события в Сирии, руководители большинства арабских государств (свергнутый М. Мурси не в счет — он был накрепко повязан саудовскими деньгами) решили отсидеться в тени, как говорят, *до выяснения*.

Очень интересно, что в последние полгода из активного информационного оборота исчезло одно очень занимательное название, вокруг которого шли дискуссии и ломались копыя и которое само по себе вызывало бурную реакцию у почти любого российского политика — НАТО. Безусловно, нельзя говорить, что блок НАТО выпал из ключевых военно-политических процессов — это было бы верхом самонадеянности. Все же в завязке *сирийской мясорубки* поднимался вопрос о задействовании командно-штабных структур Североатлантического альянса для интервенции, а если дело дойдет до реального столкновения, вероятно, альтернативы использованию этого механизма не будет. Однако вопрос о глобальной роли НАТО не возникал ни на одной крупной политической площадке уже давно, и это говорит о многом.

Единственное, что еще удерживает тему НАТО в верхней части информационного рейтинга — муссирование вопроса о вступлении Грузии в альянс и периодически возникающие эпохальные идеи в украинском истеблишменте. Можно, конечно, свалить вину на нынешнего генсека, фигуру довольно бесцветную и явно несамостоятельную. Но дело в том, что внутренние установки и структура организации НАТО не соответствуют тем задачам, которые возникают на мировой арене, а попытки *встроиться по ходу* процесса пока удачными назвать нельзя.

Итак, мы совершенно отчетливо вошли в период фатального кризиса *постбиполярной* институциональности. На фоне этого неудивительно, что становятся широко востребованными разного рода *ad hoc* коалиции, партнерские *клубы* и прочее. Иными словами, мы переживаем период внешнеполитической *чрезвычайщины*. Причем, конфигурация этих *коалиций* иногда изумляет.

Как, например, можно оценить стратегический альянс французского правительства, занятого борьбой за глобальное распространение гомосексуальных браков, и саудовских салафитов, которые пока сомневаются в том, что подобные браки являются общечеловеческой ценностью? Однако такой альянс есть, и он является реальным политическим фактором, что может подтвердить Башар Асад.

Стратегическое партнерство США и *Аль-Каиды* шокирует гораздо меньше. Это всего лишь *возвращение к истокам*, т.е. к *старым добрым временам* борьбы с Советским Союзом в Афганистане, но оно также необычно, ибо происходит после того, как талибов демонизировали и громили до полного уничтожения последние 10 лет.

Главная проблема в следующем: такого рода ситуативные отношения, действительно помогая разрешать тактические проблемы, не формируют долгосрочной

системы взаимных обязательств и взаимной политической зависимости. Иными словами, *мир* глобальных институтов — это мир постоянных ограничителей в деятельности государств и групп государств, иногда неписаных ограничителей. Этот *мир* основан на инструментах реализации принципов международного права. Мир *ad hoc* коалиций всего этого лишен и, значит, куда более опасен, потому что не предоставляет государствам *площадок*, на которых возможен некий *предварительный арбитраж* возникающих международных проблем.

Конечно, некоторым государствам, например, КНДР, Туркмении или салафитской Ливии, такие площадки не нужны, но даже Иран и Венесуэла, вероятно, воспользовались бы международными институтами, если были бы уверены в их реальной объективности и эффективности. Таким образом, кризис международных политических институтов лишает очень многие страны надежд на *досиловое* разрешение возникающих противоречий. В результате мы существуем в ситуации поступательного снижения глобальной стабильности. И уже очень скоро это обстоятельство станет весьма ощутимым и в практической внешней политике.

ИНФОРМАЦИОННОЕ ОБЩЕСТВО ПОКАЗЫВАЕТ ЗУБКИ

Очередным звонким скандалом, подчеркнувшим значимость современных информационных технологий, стала ситуация вокруг второразрядного аналитика ЦРУ Эдварда Сноудена. И здесь на повестке дня все еще стоит вопрос о том, что же такое современное информационное общество и какова его реальная роль в формировании глобальных политических процессов?

Пока информационное общество *показало только свои зубы* простым гражданам, узнавшим много интересного о том, как их правами распоряжаются американские спецслужбы, и американской элите, которая думала, что *информационное общество* означает безнаказанные действия в компьютерных сетях и информационные манипуляции. Хотя вообще-то ничего особенного мы ни про новые коммуникационные платформы (ошибочно именуемые *социальными сетями*), ни про американское правительство из разразившегося скандала не узнали.

Но пройдет очень немного времени, и мы поймем, что за этими в принципе нестрашными *зубками* скрывается пасть, поглощающая все наши основные ценности. США просто первыми научились пользоваться в своих интересах новыми возможностями, но первыми же столкнулись с тем, что *приручить* информационные технологии полностью практически невозможно. С точки зрения естественнонаучных процессов, современное *информационное общество* является глобальной *черной дырой*. И эта *черная дыра* — территория энтропии индивидуальных и общественных ресурсов — становится все масштабнее и начинает приобретать внутреннюю логику. И *дело Сноудена* — лишь одно из проявлений этой логики, легкий щелчок по носу самоуверенным американцам.

В целом, коммуникация уже подменила внутреннюю политику (этот процесс особенно характерен именно для России и США), а теперь начинает втягивать в свою воронку и политику внешнюю. Но проблема в данном случае в том, что *лиар*, который уже почти исчерпал себя как средство успокоения общества на национальном уровне, предельно не подходит как средство ведения внешней политики. Внешняя политика — это все же сфера, где процессы реализуются и обеспечиваются железом и кровью.

Но есть и другой аспект проблемы. Когда возникали новые коммуникационные платформы и новые средства организации коммуникационного пространства, много говорилось о том, что это новая степень свободы. Но является ли свидетельством демократизма современной системы коммуникаций требование, уже выдвигаемое при трудоустройстве в некоторые западные компании: в обязательном порядке иметь аккаунт в социальной сети? Иначе тебя запишут в социопаты и ты просто можешь не найти нормальной работы.

Нет ли в современных социальных сетях зачатков тоталитарных институтов, прежде всего тоталитарной идеологии, которую можно условно окрестить *фейсбукизмом*? Ведь почему-то лучше всех используют для достижения реальных политических и экономических целей новые коммуникационные возможности как раз те, кого трудно обвинить в глубокой приверженности ценностям демократии: исламисты, спецслужбы, радикалы всех мастей, продавцы фальсифицированных и контрафактных товаров, рейдеры и пр. Значит, есть в новых информационных технологиях что-то такое...

Есть еще один острый вопрос: сегодняшняя система интегрированных коммуникаций играет стабилизирующую или дестабилизирующую роль в системе международных отношений и глобальной безопасности? Оставим его пока открытым.

ВОСЬМЕРКА НА ПОЛЯХ ДВАДЦАТКИ

Восьмерка являет собой институт, утративший стратегическую значимость, которую имел 20 лет назад, и поэтому всеми силами стремится не выпасть из сегодняшнего геополитического контекста. Неудивительно, что встречи *восьмерки* посвящены уже не столько стратегическим, сколько наиболее острым текущим вопросам (для решения которых предназначается Совет Безопасности ООН), а структурно она распадается на двусторонние встречи или двустороннее выяснение отношений посредством пикировок на пресс-конференциях. Реальное влияние *восьмерки* на важнейшие глобальные тенденции уже не столь велико. И, конечно, все уже привыкли, что по форме встречи *восьмерки* все больше напоминают светское, а не политическое событие. Прошедший в июне саммит *восьмерки* в североирландском городке Лох-Эрн это еще раз подтвердил.

И тут возникает вопрос: есть ли у *восьмерки* настоящая, а не *фантомная* повестка дня? И какова роль *восьмерки* в управлении становящихся ключевыми военно-силовых процессов? Пока однозначного ответа нет. С одной стороны, конечно, вменяемое заявление по Сирии — это большой шаг вперед по сравнению с тем, что говорили лидеры западных стран до саммита. Но, с другой стороны, это заявление было тут же отброшено в сторону всеми участниками конфликта, как и теми, кто только что это заявление подписал.

Рискну предположить, что демонтаж *восьмерки* как глобального института начнется там и тогда, когда *двадцатка* по тем или иным причинам решит, что можно уже не ограничивать себя экономической проблематикой и пора переходить к обсуждению не просто политических, а военно-политических вопросов. И есть подозрение, что с учетом происходящих в Юго-Восточной Азии процессов, а также выстраивания системы неоимпериализма, чем занялись примерно год назад США и их союзники вроде Франции, момент этот настанет весьма скоро.

СИРИЯ В ГЛОБАЛЬНОМ КОНТЕКСТЕ

Уже совершенно очевидно, что ситуация в Сирии перестала быть *обычной* гражданской войной и становится войной религиозной. Такая война идет по совершенно особым законам и, главное, прекращается только при полной капитуляции или уничтожении одной из сторон. Так что наивны утверждения о возможном *мирном урегулировании* этого конфликта за счет какого-то переговорного процесса.

Думается, что единственный, кто еще хоть как-то сохраняет возможности политического управления, это Башар Асад. Хотя в данном случае ему будет сложно уговорить своих сторонников *проявлять сдержанность*, поскольку они сами порядком озверели от действий салафитов. Что же касается *оппозиции*, то она производит все более жалкое впечатление, а контроль над ситуацией на поле боя переходит к полевым командирам, причем наиболее влиятельными из них являются представители *Аль-Каиды* и салафиты, ориентирующиеся на Саудовскую Аравию. США

и ЕС в данном случае своими поставками оружия делают все менее и менее вероятной капитуляцию одной из сторон и все более и более вероятной ее физическое устранение — геноцид.

Трагедия в Сирии в том, что внутренний кризис в стране пришелся на *закат арабской весны*, когда вновь пришедшие к власти коалиции (за исключением, конечно, Ливии), стали думать, куда девать огромный взрывной потенциал, который привел их к власти и который может у них власть отобрать. Поэтому недостатка в *борцах за свободу*, вероятнее всего, не будет.

Но главная проблема, однако, состоит в том, что при своем мужестве и своей стойкости режим Башара Асада стратегически проиграл. И проиграл по одной причине: Сирия изначально была искусственным государством, даже Ирак сформировался более органично. Подобное государство могло существовать и успешно развиваться только как государство относительного межконфессионального мира, который при всех издержках был достигнут его отцом, Хафезом Асадом. Теперь же, даже если Башар Асад победит, прежняя Сирия не вернется никогда. Возможно, со временем ему удастся построить другую страну, но это уже вряд ли будет светская, многонациональная и уверенная в себе Сирия. Если же победят просаудовские салафиты, то больше не будет не просто государства, но и страны.

В любом случае на месте нынешней Сирии с большой долей вероятности возникнет некое *пустое* пространство, которое кто-то заполнит и определит будущую геополитическую конфигурацию в регионе. А это уже станет глобальным геополитическим фактором, поскольку, *надавливая* на Сирию, можно очень эффективно регулировать военно-политические процессы в регионе в целом.

Что же касается августовского обострения ситуации, связанного с применением химического оружия кем-то из участников *сирийской драмы*, то мы, вероятно, видим далеко не все кусочки этой *мозаики*. Не исключено, что корни этих событий, выразившихся в откровенную истерию на Западе, лежат не в пригороде Дамаска, а в Вашингтоне. Не удивлюсь, если когда-нибудь выяснится, что администрации Б. Обамы просто нужно было что-то прикрыть операцией против Сирии, отвлечь от чего-то внимание, поэтому и понадобился наспех сконструированный и не очень убедительный повод. И это *что-то*, думается, было настолько значимым, что не грех было рискнуть жизнями американских солдат и своей репутацией.

И еще один вопрос: все пишут о Сирии, но при этом, все, особенно в США и Европе, как-то стараются помалкивать, что уже полгода идет вполне серьезная стрельба в соседнем Ливане. Последний эпизод с разгромом ливанской армией салафитской базы в Сайде — лишь часть все более интенсивного роста нестабильности в этой стране, как и на всем Ближнем Востоке.

А на очереди, судя по отрывочным сообщениям, Иордания, куда американцы и их союзники уже завезли оружие, чтобы, наверное, местным исламистам и все больше сближающимся с салафитами палестинцам из лагерей беженцев было нескучно.

Иными словами, мы должны готовиться к стратегической и долгосрочной дестабилизации всего Восточного Средиземноморья, включая Израиль, чтобы там ни говорили в Тель-Авиве.

ОДА КИМ ЧЕН ЫНУ

После *весеннего обострения* Запад отказался от конфронтации с КНДР и даже для приличия не стал изображать обиженность при первых признаках снижения напряженности со стороны Пхеньяна. Итак, каковы же результаты последнего кризиса вокруг КНДР?

Во-первых, КНДР действительно доказала новое качество своего военного потенциала. КНДР еще не стала членом *клуба избранных* (и надеюсь, никогда не станет),

однако право сидеть за одним столом с *избранными* Пхеньян заслужил. Задумаемся над этим феноменом.

Во-вторых, КНДР показала всем, что Северо-Восточная Азия при всем экономическом росте и социальной модернизации остается домиком со стеклянными стенами и достаточно одного неосторожного движения или слова, чтобы красивая витрина разлетелась на мелкие осколки.

В-третьих, весь мир почувствовал, сколько в глобальном масштабе стоит *детский* кризис, устроенный Ким Чен Ыном, не только для США, которые вынуждены были перебрасывать войска в регион и повышать боеспособность, но и для Китая, Европы и даже России.

Иными словами, Ким Чен Ын доказал, что он — серьезный лидер, с которым мировому сообществу придется считаться, и в достаточной степени контролирует корейскую партийную и военную элиту. Рискну предположить, что в действительности молодой северокорейский лидер, выиграв недавний кризис, получил не только *мандат на власть*, но и мандат на проведение реформ.

В этой ситуации глупо выглядит Сеул, где, кажется, так и не поняли, что являются *разменной монетой* в руках американцев. Когда и если это в Сеуле все-таки поймут, перед Южной Кореей встанет вопрос о том, как изменить свое, прямо скажем, *подневольное* положение. И вот тогда российской дипломатии надо быть крайне расторопной, чтобы сделать нашим южнокорейским партнерам такое деловое предложение, от которого и наши северокорейские соседи не смогут отказаться.

ТАКСИМ В СУХОМ ОСТАТКЕ

Думается, все же было бы ошибочно приравнивать события на стамбульской площади Таксим к процессам, получившим поэтическое наименование *арабская весна* и выразившимся в бесчисленных смертях, которые уже были и еще будут. *Таксим* — это явление все же чисто турецкое.

Корни его лежат не только в процессах 6–12-летней давности, но и отсылают нас к 1930–1950-м гг., когда у правительств Ататюрка–Иненю банально не хватило денег, чтобы провести промышленную и социальную модернизацию, которая случилась в Турции только спустя 40 лет. Как и всякая промышленная модернизация, она разделила страну экономически и социально, и речь сегодня идет о том, какая из *двух Турций*, которые смотрят друг на друга с плохо скрываемым неприятием, получит основную власть в стране на ближайшие 15 лет. За это время турецкая элита сформулирует новый *модус операнди* взамен оказавшегося несостоятельным лозунга *вхождения в Европу*.

Невозможно пройти мимо того обстоятельства, что кризис в Турции является продуктом деятельности лично Реджепа Тайипа Эрдогана. С другой стороны, протестуют как раз те слои населения, которые более всего получили от экономического роста при нынешнем премьер-министре.

Логика Эрдогана понятна — демонтаж кемализма как идеологии европеизации возможен только в ситуации, когда турки будут ощущать себя в *осажденной крепости*, окруженной со всех сторон *врагами*. Однако в результате в том числе и просчетов самого Эрдогана Турция действительно оказалась в состоянии *осажденной крепости*, т.е. вместо комфортных разговоров об угрозе турки получили реальную военную угрозу практически по всей линии границ, кроме границы с Грузией.

Есть полное ощущение того, что это не турки создали в Сирии *буферную зону*, а салафиты создали ее в Турции и делают там все, что хотят. В таких условиях надо опираться не на полицейских, а на армию и спецслужбы. А турецкая армия несмотря ни на что принадлежит к той части Турции, которая на площади Таксим выразила свое сомнение относительно Эрдогана.

Халил Каравели (Турция–Швеция), руководитель проекта по Турции института по изучению Центральной Азии и Кавказа при университете Джона Хопкинса — по электронной почте из Стокгольма: Антиправительственные демонстрации в Турции создали новую волну напряженности на Ближнем Востоке. Для разгона демонстраций Тайип Эрдоган задействовал силы ОМОНа. Его попытки мобилизовать религиозные круги и натравить их на секулярные ставят Турцию на опасную тропу. Тактика и политика Эрдогана по поляризации общества вызывают беспокойство у многих внутри правящей исламской консервативной партии. Но не думаю, что кто-либо, включая президента Абдуллу Гюля, предпримет что-то, чтобы сдержать премьера. Отсутствие внутренних возмущений внутри Партии справедливости и равенства политикой Эрдогана, напряжение и разделение между консервативными и секулярными участниками акций протеста, секторальное разделение между суннитами и шиитами — все это чревато тем, что премьер усугубит и воспламенит риск во всем регионе.

Почти наверняка Эрдогану удастся в этот раз *придавить* протестные настроения. Более того, нельзя исключать, что на ближайших парламентских выборах его партия может выступить вполне успешно. Вот только та геополитическая конфигурация, которую он выстроил, никуда не денется. И ситуация не слишком дружелюбного сосуществования *двух Турций* тоже никуда не денется.

В мировой и в турецкой элите все прекрасно понимают, что с такой внутривнутриполитической конфигурацией и с ответственным за нее лидером Турция вряд ли сможет претендовать на интеграцию в серьезную геополитическую конструкцию. Иначе говоря, пока у власти находится Реджеп Тайип Эрдоган, Турция будет оставаться *экономическим чудом*, пусть и относящимся к предыдущей исторической эпохе, но вряд ли она сможет войти в ЕС и стать главным контрагентом Запада на Среднем Востоке. И это тоже ситуация стратегического выбора.

АМЕРИКА ПЕРЕД БРОСКОМ

Понятно, что американская дипломатия и очень не глупый и по-американски порядочный человек Джон Керри стали заложниками пропагандистского характера американской политики, которую осуществляет Барак Обама. В условиях, когда главным критерием внешнеполитических действий становится хорошая фотография, а сами внешнеполитические действия, даже те, которые хорошо бы делать в полной тишине, сопровождаются безудержной и очень часто неумной пропагандой, эффективность внешней политики неизбежно снижается.

Есть немалое подозрение, что после последнего *эпохального* предложения Барака Обамы о сокращении стратегических вооружений существенно ниже порогов, установленных новым Договором СНВ 2010 г., все последующие американские инициативы, даже те, которые будут содержать рациональные зерна, и читать-то в Москве никто не станет, лишь будут вскользь проглядывать.

Однако же российским властям стоит сказать американскому президенту слова благодарности по двум весьма значимым в политическом и геополитическом планах причинам.

Во-первых, при всех издержках и понятной неприемлемости предложение Барака Обамы напомнило нам о существовании такой сферы мировой политики, как контроль над вооружениями, о котором в вихре событий последнего года мы просто забыли. И напрасно, поскольку *недоделанные* здесь дела, доставшиеся в наслед-

ство от 1990–2000-х гг., никуда за последние годы не исчезли. Барак Обама показал, если Россия не будет пристально заниматься контролем над вооружениями, этим вместо нее займутся другие. Напомним, что это за *недоделанные* дела:

- включение в процесс контроля над вооружениями ядерных держав *второго и третьего* ряда — застопорившийся в середине 1990-х гг. процесс необходимо как-то стимулировать;
- решение вопросов с универсализацией ДНЯО, либо столь же энергичное решение вопроса о замене ДНЯО чем-то, более соответствующим современным реалиям и прежде всего факту существования *неофициальных* ядерных держав;
- глобальное развитие концепции *зон, свободных от ядерного оружия*, особенно с точки зрения политических аспектов данного явления, поскольку организационно-технические аспекты в целом проработаны довольно хорошо.

Недоделанные дела — это полноценная глобальная повестка дня для раскрытированных выше международных институтов и двусторонних отношений на 5–7 лет. Она была фактически *задвинута в угол*, а на первый план вышла бесконечная и, да простят меня специалисты, нудная дискуссия о ПРО.

Во-вторых, Барак Обама напомнил российскому руководству о том, что пока оно всерьез не займется развитием стратегических ядерных сил и их адаптацией к новым геополитическим реалиям (в том числе через изменение принципов боевого применения), эти силы останутся объектом всеобщего внимания с позиций *что бы еще подсократить*. История с усиленно раздуваемыми слухами о ракете *Ярс-М*, якобы нарушающими Договор об РСМД (кстати, несомненный рудимент *холодной войны*, который давно должен быть демонтирован как не отвечающий интересам России и создающий для нее явственные военные риски), тому самое наглядное подтверждение.

Обращаясь к фактам: на деле существует разительная дистанция между тем, что США говорят, и тем, что США делают. Говорят США много, хотя и все менее изобретательно: о демократии, о правах человека, о *поддержках революций* в арабском мире, о глобальной стабильности, о необходимости силового давления на Северную Корею и свержения режима Башара Асада. Вот только дела Вашингтона все больше и больше расходятся со словами. Попытаемся инвентаризировать действия американцев за последние несколько месяцев:

- США минимизировали свое потенциальное участие в сирийском конфликте, фактически заняв позицию выжидания. Они готовы финансировать *повстанцев* и даже *логистически* им помогать, но явно не стремятся стать силовым *кулаком* в продвижении демократии, предоставляя это почетное право саудитам, туркам и французам.
- США некоторое время назад передали 60-миллионный Египет и его президента-*недосалафита* Мухаммеда Мурси на попечение Саудовской Аравии и Катара, вероятно, чтобы геополитических идей у них по мере роста расходов поубавилось. В результате М. Мурси с политической сцены самой большой страны арабского мира убрала египетская армия, которую США воспитывали со времен Кэмп-Дэвидского мира.
- США взяли откровенную паузу в отношениях с Ираном, дожидаясь каких-либо сигналов от вновь избранного иранского президента Хасана Роухани, окрещенного на радостях *реформатором*. Американское военно-политическое руководство сделало почти невозможное: оно как минимум приостановило маховик военной операции против Ирана. Хотя, если вспомнить историю, основой *рывок* иранская ядерная программа сделал именно при *реформаторах* Хашеми, Рафсанджани и Хатами, а Ахмадинежад в основном снимал пропагандистские *сливки*.

Абдулазиз Сагер (Саудовская Аравия), председатель Исследовательского центра Залива — по электронной почте из Дубая: Политики и эксперты заговорили о возможной либерализации некоторых сфер жизни в иранском обществе с приходом нового президента-прагматика Хасана Роухани. Но важно понимать, что Роухани является частью системы Исламской Республики, а потому будет действовать в ее рамках. Не исключено, что он в чем-то вознамерится изменить ее и больше открыть Иран внешнему миру, но окончательное решение об этом все равно останется за Верховным лидером Ирана Али Хаменеи.

- Несмотря на репутационные потери, США начали переговоры с талибами в Афганистане, фактически легитимизировав их как значимую в международном масштабе силу. Понятно, что Талибан нужен как оружие против Хезболлы, но все же действия американцев были жестковаты, о чем им обиженно напомнил Хамид Карзай, очередной союзник, которого Вашингтон *сдал*.
- В отношении со своими европейскими союзниками США открыто перешли к бессмертной формуле *утром деньги — вечером стулья* и уже ничем не раскрывают свое желание участвовать в европейских авантюрах вместо самих европейцев.
- США оставляют в покое Венесуэлу, удовлетворившись тем, что их главный критик Уго Чавес перешел в мир иной. Все это сопровождается, как водится, *сдачей с потрохами* своих союзников, которые всерьез, видимо, рассчитывали на интервенцию.

Единственное направление, на котором активность США в последнее время не сократилась, а увеличивается — Африка. В данном случае роль играет сложный комплекс имиджевых причин и необходимости противодействия китайскому влиянию.

Иными словами, совершенно ясно, что Соединенные Штаты идут по пути минимизации своего участия в потенциально проблемных ситуациях. При этом очевидно, что связывать происходящее с некими внутривнутриполитическими факторами, которые заставляют США экономить ресурсы, было бы ошибкой. Конечно, у Барака Обамы отобрали карт-бланш на внутренние реформы, однако же тактически ситуация не так уж и плоха, чтобы что-то серьезно менять.

Некоторые российские обозреватели, вполне верно утверждают, что *Америка сосредотачивается*¹⁰. Однако главный вопрос в том, для чего она сосредотачивается. Накопленный американцами потенциал геополитического проецирования силы и влияния таков, что он обязательно должен где-то проявиться. Утверждают, однако, что США сконцентрируются на европейском направлении и возобновят потрепанный последними событиями стратегический альянс с ЕС. Однако такие ресурсы (особенно силовые), какие высвободили США, на европейском направлении совершенно не нужны. Там будет достаточно возможностей американских банков. Отсюда приходится констатировать, что колоссальный объем внешнеполитических возможностей и ресурсов США исчез с *шахматной доски*. Вернее, был с нее убран сознательно и планомерно, но довольно быстро.

ВОЕННОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО И ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА РОССИИ

Опубликованный летом план военного строительства до 2020 г. усугубляет чувство беспокойства, существующее, несмотря на постоянные бравурные новости про нормализацию ситуации в российской армии.

Конечно, за последние 2–3 месяца руководство Министерства обороны сделало очень много позитивного, с точки зрения создания адекватной атмосферы вокруг ведомства и структурной нормализации. Этому послужило и возвращение в военную среду дивизионной организации войск, которое на практике будет иметь серьезные последствия.

Этот факт говорит о том, что угрозы безопасности России в обозримой перспективе признаются выходящими за рамки локальных конфликтов. Минимальный порог применения дивизий — региональный конфликт. Это умозаключение соответствует в целом той ситуации, которая складывается у российских границ, и означает совершенную иную военную политику и доктрину по сравнению с тем, что озвучивалось во времена А. Э. Сердюкова.

В современной российской внешней политике смущает то, что она находится в системной противофазе с политикой большинства стран мира. Они — в первую очередь США и Китай — сейчас минимизируют внешнеполитическую активность и накапливают средства. Россия же демонстрирует стремление вовлечься во все возможные сложные ситуации, совершенно не задумываясь о наличии у себя ресурсов.

Поэтому стратегическая разбросанность российской внешней политики порождает невнятность российской военной политики и ее оторванность от общегосударственных задач. К примеру, если мы действительно восстанавливаем дивизионную структуру в своих вооруженных силах, мы должны четко понимать и формулировать, зачем мы это делаем. И если мы начинаем всерьез утверждать, что новый российский танк существенно превосходит все зарубежные аналоги по совокупным показателям, как это сделал заместитель министра обороны Юрий Борисов¹¹, то главный вопрос, который следует задать: а зачем он их превосходит? В каких конфликтах он может быть использован и для чего ему такие высокие характеристики? И насколько для решения этих задач будут оправданы те вложения, которые понадобятся для выпуска этого танка?

В этой связи невеселое признание вице-премьера Д. О. Рогозина о том, что США могут уничтожить 90% российского стратегического потенциала за счет использования высокоточного оружия за шесть часов, не должно восприниматься как большое открытие.

С одной стороны, из этого признания следует необходимость снижения *окна уязвимости* наших стратегических ядерных сил (СЯС) с помощью:

- существенного повышения их защищенности, прежде всего МБР шахтного базирования, способы и технологии которого понятны и не требуют чего-то инновационного;
- формирования максимально гибкой системы управления ими, особенно применительно к ситуации военной опасности и начальной фазы конфликта.
- создания компактного мобильного, но эффективного потенциала субстратегического ядерного оружия, что даст нам отсутствующий ныне потенциал дозированного применения ядерного оружия;
- возрождение их воздушного компонента на традиционной и нетрадиционной основе (в качестве нетрадиционной основы, почему бы нам не вернуться к технологиям баллистических ракет воздушного базирования).

Стоить это будет, возможно, даже меньше, чем собирается освоить РЖД, создавая не понятно кому нужную скоростную дорогу Москва–Казань, но даст для стимулирования общегосударственного (а не только внутрисемейного) экономического подъема существенно больше. А там, глядишь, придет время и для переговоров о сокращении ядерных вооружений.

С другой стороны, необходимо развивать асимметричные средства ведения войны против такого противника, как США, или коалиции во главе с США. И тут достаточно заглянуть в учебники военной истории (в частности в главу про войну во Вьетнаме) и адаптировать это весьма полезное знание к сегодняшним реалиям.

Но для всего этого нужна глубокая политическая (именно политическая) инвентаризация угроз безопасности страны, результаты которой станут консенсусом. Такой консенсус, естественно, не будет никого удовлетворять, но он будет отражать реальное восприятие угроз. Правда, с механизмом выработки этого консенсуса есть очевидные проблемы.

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ: О ПЛЕВКАХ В КОЛОДЕЦ ИСТОРИИ

Сегодня у России, в отличие от развитых стран Запада, возможности заменять стратегию набором тактических решений, пусть и вполне эффективных, практически исчерпаны. Но как раз со стратегией дела у нас обстоят не очень — мы погрузились в пучину относительно мелких вопросов, которые подменили стратегические проблемы.

Главный вопрос нашей внешней и оборонной политики заключается в необходимости стратегической переориентации своего развития с европейского на дальневосточное направление и, возможно, на Средний Восток. Это потребует очень больших финансовых и организационных ресурсов, сравнимых с теми, что были освоены при подготовке к Олимпийским играм в Сочи.

В заключение хочется сказать о другом. За последние годы наша внутривнутриполитическая ситуация перестала быть производной от ситуации международной (это отрадно), но связь между тем, что происходит внутри страны, и той ситуацией, которая формируется вокруг нее, безусловно, остается. И необходимо жестко пресекать потуги тех, кто стремится к интернационализации внутренней российской политической жизни в той степени, какая была характерна для 1990-х гг.

Однако во всем нужно знать меру и смотреть на два шага вперед. Конечно, подведение М. Б. Ходорковского под новый срок, *закон Димы Яковлева*, борьба с фальсификациями истории и с активностью сообщества ЛГБТ дают много внутривнутриполитических очков, но все это почти не имеет отношения к проблематике национальной безопасности и внешней политики нашей страны.

Здесь есть одно исключение: закон об иностранных агентах, с помощью которого совершенно правильно был обозначен вектор развития в сторону укрепления базовых основ государства. Однако власть не указала чиновникам, пытающимся с помощью него свести счеты со своими критиками, пределы их полномочий и могущества. Это говорит либо о слабости и неспособности самой власти противостоять чиновничеству и ограждать от него важные общественные институты, либо о непонимании того, как этот закон может быть обращен против нее. Указанная слабость власти делает ее более податливой для давления и по куда более значимым вопросам, нежели вопрос *прав человека*, надоевший всем, включая правозащитников.

Беда в том, что, ужав общественную дискуссию до масштабов *одобрямса* со стороны *Единой России* и Объединенного народного фронта, власть рискует остаться один на один со своим чиновничеством, жизненные устремления которого хорошо понятны по сообщениям в криминальной хронике. И я не убежден, что наша власть выйдет из этого противостояния победителем, как в XIX в. не вышел победителем из противостояния с собственным чиновничеством Николай I.

Но ведь мы помним, чем закончилось это поражение? Неужели забыли?

Дмитрий Евстафьев

Примечания

¹ «You will say inconstant Hebe, while feeding Zeus's eagle, laughing, emptied a cup seething with thunder from heaven on to the earth».

² Виталий Наумкин. Египетским «Братьям-мусульманам» в списке экстремистских организаций не место. *Российский совет по международным делам*. 2013, 23 апреля. http://russianscouncil.ru/inner/?id_4=1756#top (последнее посещение — 25 июля 2013 г.).

³ В частности в апреле 2011 г. около 500 человек, главным образом офицеры вооруженных сил и служб безопасности, а также некоторые видные интеллектуалы были арестованы по обвинению в принадлежности к *Эргенекону* — тайной светской ультранационалистической организации, ответственной за большинство террористических акций в последние 30 лет. *Эргенекон* в представлениях этих людей — мистическое место, находящееся в Алтайских горах, откуда якобы вышли предки всех тюрков и монголов.

⁴ Syrian Foreign Ministry spokesman Jihad Makdissi said on 23 July 2012. «Syria may use chemical weapons only in case of foreign aggression». См. *Chemical Weapons*. Globalsecurity.Org. — <http://www.globalsecurity.org/wmd/world/syria/cw.htm>

⁵ Игорь Яковенко. Терроризм. *Нева*. 2005, № 12. <http://magazines.russ.ru/neva/2005/12/ia11.html> (последнее посещение — 25 июля 2013 г.).

⁶ «We cannot dictate the pace of change in places like the Arab world, but we must reject the excuse that we can do nothing to support it», — Remarks by President Obama at the Brandenburg Gate. Berlin, Germany. The White House. Office of the Press Secretary. 2013, June 19. <http://www.whitehouse.gov/the-press-office/2013/06/19/remarks-president-obama-brandenburg-gate-berlin-germany> (последнее посещение — 25 июля 2013 г.).

⁷ Rohani says Iran is ready to show 'greater transparency' on nuclear program. *The Jerusalem Post*. 2013, May 17. — <http://www.jpost.com/Iranian-Threat/News/Rohani-says-Iran-is-ready-to-show-greater-transparency-on-nuclear-program-316823> (последнее посещение — 25 июля 2013 г.).

⁸ Договор между Российской Федерацией и Соединенными Штатами Америки о мерах по дальнейшему сокращению и ограничению стратегических наступательных вооружений, Статья II:

«1. Каждая из Сторон сокращает и ограничивает свои МБР и пусковые установки МБР, БРПЛ и пусковые установки БРПЛ, тяжелые бомбардировщики, боезаряды МБР, боезаряды БРПЛ и ядерные вооружения тяжелых бомбардировщиков таким образом, чтобы через семь лет после вступления в силу настоящего Договора и в дальнейшем суммарные количества, подсчитываемые в соответствии со Статьей III настоящего Договора, не превышали:

- a) 700 единиц для развернутых МБР, развернутых БРПЛ и развернутых тяжелых бомбардировщиков;
- b) 1550 единиц для боезарядов на развернутых МБР, боезарядов на развернутых БРПЛ и ядерных боезарядов, засчитываемых за развернутыми тяжелыми бомбардировщиками;
- c) 800 единиц для развернутых и неразвернутых пусковых установок МБР, развернутых и неразвернутых пусковых установок БРПЛ, развернутых и неразвернутых тяжелых бомбардировщиков.

2. Каждая из Сторон имеет право самостоятельно определять состав и структуру своих стратегических наступательных вооружений».

⁹ Книга Екклесиаста, или Проповедника. Глава 9, стих 12.

¹⁰ Именно так охарактеризовал нынешнее состояние американской дипломатии известный российский обозреватель Федор Лукьянов и с ним стоит согласиться. См.: Федор Лукьянов. Сосредоточенная Америка. *Газета.Ру*. 2013, 20 июня. http://www.gazeta.ru/comments/column/lukyanov/5387093.shtml?fb_action_ids=472077832874412&fb_action_types=og.recommends&fb_source=aggregation&fb_aggregation_id=288381481237582 (последнее посещение 25 июля 2013 г.).

¹¹ См. В РФ создается танк, превосходящий даже перспективные западные аналоги. *РИА Новости*. 2013, 27 июня. http://ria.ru/defense_safety/20130627/946239120.html#ixzz2XR5ldYlt (последнее посещение 25 июля 2013 г.).